

Память сердца

Нелли ЗАКУСИНА

ГАЛИНА ШПАК ЗА НЕБЕСАМИ НЕБЕСА

Возвышая жизнь и смерть,
Лучше б в небо посмотреть
Голубое – голубое –
Будем там гулять с тобою.
Страшно? Страшно. Но слегка –
Облака за облака!
(Галина Шпак)

Шпакиня* (так ее называли друзья)

У нас было много общих друзей, и мы, конечно, общались не только по поводу поэзии... Но у Галины не было других предпочтений. В конечном итоге все заканчивалось стихами. Она писала много, густо, можно сказать, постоянно.

Даже, когда сломала правую руку – писала левой. И написала свою “Александрю”.

Перебираю книги Галины Шпак... Перечитываю заново подборки ее стихов в журналах... Сохранились у меня даже газетные вырезки с ее стихами... Это было время, когда и книга у Гали, как помню, была одна... Основные ее книги появились много позже. И у меня в моей

личной библиотеке сохранилось несколько. С автографами и без. Есть даже такая, где я значусь, как редактор – “Время суток”, выпущенная тогда еще знаменитым, в период его расцвета, Западно-Сибирским книжным издательством в 1978 г. На ней автограф – скупой, но очень ёмкий, как говорится, ”для тех, кто понимает”. Автограф был такой: “Нелли, которая приложила руку к появлению этой книжки”.

Тогда времена были не из легких, в смысле – свободного творчества. Галина Шпак не состояла в то время в Союзе Писателей СССР. Ее как-то странно не принимали в этот самый Союз, при всех самых лестных рекоменда-

ях от серьезных и уважаемых, но, возможно, не очень любимых властью поэтов.

А имя ее было уже известно не только любителям поэзии, но и знатокам.

Она была “неудобным”, угловатым, но прямолинейным поэтом. А в издательстве тогда работали настоящие профессионалы – Нина Сергеевна Семаева, Дина Григорьевна Селькина, Юлий Моисеевич Мостков, Нинель Ильинична Созинова, Евгений Александрович Городецкий, Людмила Владимировна Белявская...

Пришла тогда в редакцию и я. Мне и досталась рукопись Галины Шпак.

Вот, общими усилиями мы и издали эти “Время суток”, приложили не только свои руки, но и сердце...

А аннотацию я тогда написала такую. Считаю ее до сих пор прямо относящейся к ее творчеству.

“Поэзии Галины Шпак присуща своеобразная, глубокая и

истинно современная наполненность. Увидеть в окружающем нас, таком обычном мире нечто необычное – это дается не каждому. Стихи Галины Шпак заставляют и удивляться летящим мгновениям, и грустить о их неповторимости, и, наконец, открывать новые стороны действительности”.

Галина Шпак не любила слово “поэтесса”, ей больше подходило, по её мнению, определение – “поэт”.

У меня на этот счет совершенно нет предпочтений. Какая разница, как тебя назовут. Поэт, поэтесса, стихотворец, бард, менестель (хотя, конечно, у всех этих слов есть четкая характеристика – кто ты есть). Но это все – суета. Тебя назовут и обозначат, кем ты был, после... ПОТОМ. Но Галина Антоновна Шпак ощущала себя ПО-ЭТОМ в свое время, при своей жизни, в полном смысле этого понимания. Она была такой.

Я представляю ее жизнь в стихах: Едешь утром в автобусе и молчишь...”, “Выдерни шнур, выдави стекло...”, “Сосны стоят и уходят во мрак...”, “Ты разлюбил? Хотя бы не кричи, – все знают, что любовь, как жизнь уходит...”, “Прислушайся к себе, – там тикают часы”, “Звук, свистящий в голове то ли пули, то ли флейты...”, “Кружится душа в бреду и не чувствует свободы...” И вот такие строчки:

“За небесами – небеса...”

Эти строчки написала Галина Шпак. Она сейчас на небесах, а там... нет предела ее поэзии. Там еще есть небеса, а за ними – другие...

ГАЛИНА ШПАК

ОДИНОКАЯ ПЕСНЯ ЗАКАТА

* * *

Напоследок мне достались
    нулевые годы
 Человеческих ристалищ,
    площадной свободы.
 Собирались толпы с помпой,
    поменяли знамя.
 Всё равно, что в лоб, что по лбу,
    и погасло
    пламя.
 Опустела нынче площадь, –
    люди на базаре
 Ищут – рыщут, что попроще,
    базар в разгаре
 И лоснится красной рыбой,
    колбасой и мясом.
 Яблоки, арбузы – глыбой.
    Сразу стало ясно,
 Где искать интеллигентов –
    тянут мысли в лавку.
 Ленты Мёбиуса, энти продают
    с булавкой:
 Ленту склеишь, перекрутишь –
    очень даже лечит
 Голову на перепутье
    эта бесконечность.
 Приколю булавкой бантик –
    кофточки не жалко,
 Всё равно нули горбятят
    и некстати жарко.

Закаменские овраги

Что ты ходишь по задворкам?
 Жизнь закаменских оврагов
 Отомрёт сама собой.
 Домики стоят в опорках,
 Зимовать, полны отваги,
 Виден весь культурный слой.
 Города. И в день короткий
 За Военной горкой
 Раздается детский рёв.
 Где-то самосвалы возят мусор

В наше детство – на пустырь.
 Где же вы, мои погодки?
 Неприкаянная Муза –
 Школьница....И след простыл!..
 За Военной горкой свалка,
 Задымились мелководы,
 Утрамбуют до краёв.
 Никому теперь не жалко,
 И тем более не стыдно,
 Наплевать в свой рай-раёк...
 Дождь осенний, суетливый
 Не затопит эти дыры,
 Котловины и шурфы,
 Улицы разрыты, – ливер
 Ржавых труб – никто не стырит –
 Непотребны для лафы
 Странникам, бомзам и прочим
 Любознательным. Ну, и ладно –
 Мы идём с дождём вдвоём
 Город вроде обесточен.
 Не ходи, куда не надо,
 Не смотри за окоём!

* * *

Каменные домики вдали,
 Налезают крыши друг на друга,
 Вырастают как из-под земли,
 А земля не ведает испуга,
 Принимает всех. И на краю,
 И на склонах, в глубине оврага
 Заросли черёмухи полет –
 Так проста житейская отвага
 И привычка. Всё-таки свое –
 Не чужое для переселенцев
 Это неказистое жильё –
 Прошлый век, поскрипывает
 Старого сарая, а над ним
 Нависает экскаватор – глыба,
 И железный ковш неутомим,
 Как судьба, – зубастая улыбка.

* * *

Города, городки, городища...
 Переставишь слова,
 и меняются смыслы,
 Отражается время в снегах.
 Только память копнёт –
 ветер свищет.
 И вздыхает земля
 и небесные выси.
 Темень. Солнце пустилось в бега.
 За спиной стена книжных полок.
 Вся история – кто разумеет
 «Честь безумцу, который навеет
 Человечеству сон золотой».
 Будьте, люди, довольны судьбой.

* * *

Мне и тебе одиноче,
 до самой синей ночи.
 Ничего не видать – глаза набухли.
 Горячо! Источник мироточит,
 Потому что душа старше буквы.
 Не жалей – пожалей,
 и откликнется жалость.
 Не читай между строк – зигзаги,
 сдвиги –
 И настигнет ясность,
 как сказалось –
 Заревое слово старше книги.

Накопилось книг – вериг –
 ответов – заветов.
 Человек старше судьбы и печали,
 Старше философа и поэта
 Тогда – сейчас, как было
 в начале.

* * *

Мы обнимались на Онегинской
 скамье,
 Смеясь, оглядывались: «Кто-то
 ходит – бродит!
 И цепь позвякивает!» Надо бы
 скромней
 Показывать себя в борьбе
 за власть. И вроде
 Взлетают галки – чёрный взрыв –
 к зиме.

Вдвоем с памятью

1.
 Оперилась! – мама говорила.
 Больше не буду мыться в корыте!
 Первая любовь –
 кровь бескрылая.
 Последняя сбивается с ритма.
 Постарела. Сама развалилась –
 Что же так быстро, сразу куда-то,
 В ту пустоту, впадая в немилость, –
 Ни кровинки – блуждающий атом
 Сил небесных. Тебе угодила:
 Больше не буду жалеть беднягу –
 Пусть гуляет небесная сила
 На свободе – любовная тяга.

2.
 Попробуй, проживи!
 Пойдем рожать,
 Запишем Гальку в общую тетрадь
 С печатью, как у всех младенцев!
 На радостях играли в буриме,
 И даже братья рифмовали с нами
 Хотя они еще – ни бэ, ни мэ,
 Конфета – светит, в гамме – до...
 Все люди говорят стихами.

3.

Не хочу я тебя огорчать –
 На Земле тяготенье другое.
 Надломился двужильный рычаг,
 На крутильных весах перебой,
 И часы отстают там, внутри,
 Суть и плоть задрожат

в лихорадке.

Я сказала себе: «Не дури!
 Кто кого положил на лопатки?»

Ну, конечно, она, а не я.
 Ей пристало выказывать немочь
 От рождения до забвения
 И топтаться в извилинах
 на ночь...

Наплывает – сверкают огни.
 Вижу искры из глаз, дыры в сетке.
 Сколько тысяч! – Забытые дни
 Замелькали со скоростью света.
 И в трубу, а оттуда живот
 В платье розовом, американском,
 Выпирает, с натугой – вперёд...
 Нам втроём не угнаться
 за мамкой.

Туфли сбросила и через плац,
 Мимо красных казарм
 гарнизона...

Из роддома доносится плач,
 И на облаке девочка Зоя
 Замерла и тарашит глаза,
 И отец наш погиб
 в сорок третьем.

Раскалённые вспышки, лузга,
 Самолёт, искорёженный смертью.

Помню место? Узнать наяву
 Я смогла бы, и вижу сквозь дебри
 За Уралом живую канву –
 Серебристые заросли вербы.
 Разойдутся круги. Темнота
 Распластает, не чувствуя веса,
 Чтоб уснуть, я считаю до ста!
 Это я или мама воскресла?

Весенняя печаль

Там ледяные светятся кометы,
 Они к тебе с космическим
 приветом,
 А ты не чувствуешь
 космической любви
 Девичества... Душой не покривив,
 Пока живёшь на свете этом!
 Тот беспросветный. Кто-то был
 и выбыл,
 И отпечатки допотопной рыбы,
 Окаменелости на каменном
 песке,
 В глазах двоится. Думаешь
 в тоске:

Ответ один – двоичен выбор,
 Раздвоенность весеннего
 раздолья.
 Тебя не спросят. И помимо воли,
 Снега чернеют и слезятся
 на свету,
 Не уследить последнюю черту,
 Как жизнь, когда кричишь от боли.

Никчёмный день

Сбиваются с пути небесные тела.
 Я знаю по себе – не отдаёшь
 отчёта –
 Что делаешь, зачем? Настигнет
 эта мгла,
 И в ней сидишь весь день,
 И думать не охота.
 Не видишь ничего,
 но тикает внутри,
 Вмешался в жизнь мою фатально
 Кто-то другой.
 И повторяет в голос, громко –
 Раз, два, три!
 Рука сама хватается ручку
 машинально.
 Холодная тетрадь теплеет под
 рукой –
 Какие-то штрихи, хвостатые
 кометы
 Неясно проступает профиль –
 Вроде мой.
 Никчёмный день закончился
 Автопортретом.